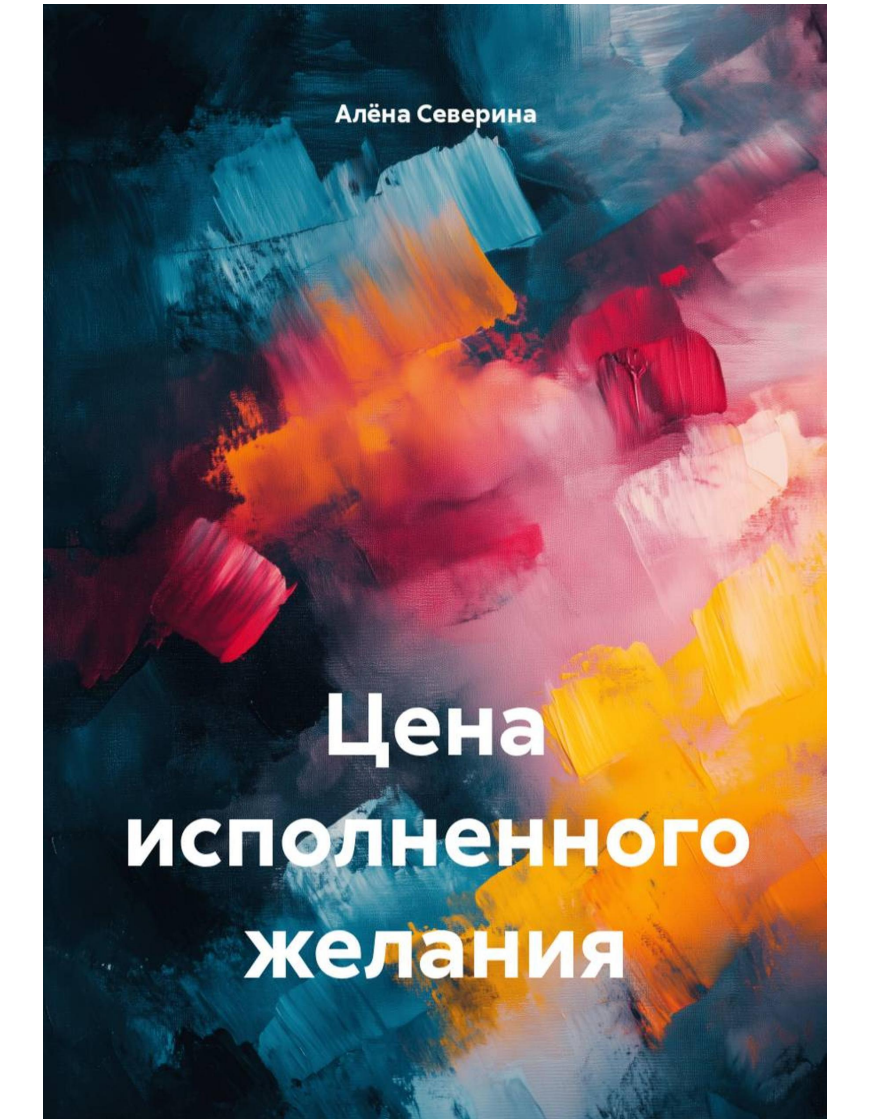

Алёна Северина

**Цена
исполненного
желания**

Алёна Северина

Цена исполненного желания

<https://litres.ru/74670559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сольвинская Палата предъявляет лавке счёт за годы старых чудес. Некоторые жители действительно выигрывали, но расплачивались совсем другие. Ася не согласна спасти город новой жертвой, а Даниил должен решить, на чьей он стороне, когда спор становится публичным. В этой книге любовь проходит испытание не ревностью, а вопросом: что делать с властью, которую можно использовать во благо, но нельзя контролировать?

Алёна Северина

Цена исполненного желания

Глава 1. Счёт на рассвете

В августе Сольвинск пах горячим хлебом, мокрыми канами и морем, которое за ночь успевало остыть. Ася Берестова открыла ставни лавки и обнаружила под медным колокольчиком белый конверт с печатью Палаты исполнений. Конверт был толстым, прошитым красной нитью; по его краям ползли чёрные цифры, словно кто-то пытался сосчитать капли утреннего дождя.

Она не прикоснулась к печати сразу. После истории с городским заклинанием слышимости Ася привыкла сначала проверять, кто и зачем оставил магический предмет. Барс понюхал конверт, недовольно фыркнул и ушёл спать к витрине. С точки зрения кота бумага не имела ценности, пока её нельзя было сбросить с прилавка.

Тася заглянула из соседней цветочной мастерской с букетом последних летних пионов.

— Опять Палата?

— Похоже.

— Позвать Даниила?

— Сначала прочту сама. Потом решу, что мне понадобится.

ся.

Тася остановилась на полпути к двери, посмотрела на подругу и кивнула. Год назад она непременно побежала бы за инспектором, бухгалтером и Глебом одновременно, словно помощь означала право собрать чужую жизнь по своему плану. Теперь поставила пионы в воду и осталась рядом, не заглядывая через плечо.

Ася вскрыла конверт. На прилавок легли сорок три страницы и тонкая зеленоватая пластина размером с монету. На первом листе стояло: «Уведомление о доначислении резервных расходов по неисполненным договорам возможности». Ниже — адрес лавки, годы работы прежней хозяйки Аглаи и сумма, способная покрыть стоимость нескольких улиц старого города.

— Восемнадцать миллионов семьсот сорок тысяч условных единиц, — прочитала Ася. — И индексация.

— Ты уверена, что это не шутка?

— Нет. Для шутки тут слишком много печатей.

Она перевернула лист. Внизу значилось: «Отсутствие возражения в течение десяти суток считается признанием задолженности». На конверте стояла сегодняшняя дата доставки. В уведомлении — дата трёхдневной давности. Несовпадение не делало письмо безвредным, но говорило об одном: кто-то снова пытался сделать молчание равным согласию.

Ася раскрыла зелёную книгу Аглаи. В ней были просьбы о встречах, надежды услышать умерших, попытки про-

стить, вернуть утраченное, начать новую жизнь. Некоторые люди никогда не заключали договоров. Другие отказались после того, как витраж показал цену. Третьи оставили возможность открытой, не поручая её хранение никому. Палата сложила все эти записи так, будто каждая становилась денежным обязательством лавки.

— Тётя не могла обещать платить за всех, — сказала Ася.

— А если это долг самой Аглаи? — осторожно спросила Тася.

Ася задумалась. Она не хотела заранее оправдывать родственницу только потому, что та когда-то спасла важные документы.

— Тогда они должны показать конкретное обещание с конкретной ценой. Пока перед нами просто число.

Она записала номер уведомления, сделала снимок конверта рядом с линейкой и отметила дату получения. В прошлые месяцы научилась: красивую магическую ошибку легче разоблачить обычной точной записью.

* * *

Даниил появился через сорок минут. На нём не было форменного пальто; он принёс хлеб с орехами и банку лимонного джема, потому что они собирались завтракать вместе до работы. Увидев бумаги, остановился у дверей, но не стал брать их без приглашения.

Ася подала первую страницу.

Он прочитал молча, затем спросил:

— Кто принял уведомление?

— Я. Тася может подтвердить время. Срок, указанный внутри, уже идёт.

— Эта форма не должна использоваться после июньской приостановки сбора. Но старые начисления могли оставить в архивной системе. Надо увидеть основание.

— Ты хочешь вести моё дело?

— Нет. Я хочу помочь тебе найти независимого юриста. И письменно уведомлю Палату, что наши отношения делают меня заинтересованным лицом.

— Спасибо.

Ей нравилось, что теперь он мог сказать неприятную процедурную правду без ощущения, будто отказывает ей в поддержке.

Даниил показал пункт о поручительстве. Из него следовало, что лавка наследует ответственность за «незавершённые намерения», даже если посетитель никогда не заказывал хранение. При этом сами посетители в уведомлении фигурировали только номерами.

— Здесь неправильно не только число, — сказал он. — Они объединили тысячи отдельных случаев в одного плательщика, лишив людей возможности объяснить собственное решение.

— А если я соглашусь на долг ради спасения лавки, получится, что я подтверждаю их право на каждое из этих имён.

Даниил кивнул. Он увидел тот же риск.

Глеб пришёл ближе к полудню. Он осмотрел зелёную стеклянную пластину и объяснил, что это копия счётного ключа: она воспроизводит строку начислений из распределителя Палаты. Но если приложить её к витражу, можно заново соединить разорванные Аглаей контакты.

— К стеклу не прикладываем, — сказала Ася.

— Ты впервые не пытаешься проверить всё собственными руками, — заметил Глеб.

— Мне уже хватило опытов, за которые расплачиваются другие.

Они решили сохранить пластину как доказательство, опечатать её при свидетелях и только потом передать в независимую мастерскую для изучения без подключения к городскому счёту.

* * *

К вечеру о долге знала вся улица Медников. На доске Палаты появилось объявление о «необходимости обеспечить исполнение накопленных резервных обязательств». Один из журналистов нашёл адрес лавки по номеру объекта. Двое репортёров пришли к двери с просьбой показать «магическую задолженность». Ася отказалась открывать личные записи клиентов и дала короткое объяснение: начисления оспариваются, происхождение сумм проверяется, никто не вправе называть молчание человека согласием на платёж.

После них появилась пожилая посетительница, когда-то оставившая Аглае просьбу о примирении с сестрой. Женщи-

на услышала по радио, что лавку могут закрыть, и боялась, что вместе с ней исчезнет последняя возможность наладить отношения.

— Вы храните моё желание? — спросила она.

— Мы храним вашу запись, если вы по-прежнему хотите, чтобы она оставалась здесь. Но это не залог и не обещание, что сестра ответит на письмо.

Женщина опустила глаза.

— Мне страшно, что если я откажусь от магии, она никогда меня не простит.

— А если вы согласитесь на магию, разве она обязана простить?

Они молчали. Потом посетительница попросила простой лист бумаги и написала имя сестры. Она ещё не знала, отправит ли письмо, но решила прийти через неделю.

Ася записала эту встречу как бесплатную консультацию. Её лавка уже умела зарабатывать на честной работе, однако она не хотела делать всякий человеческий страх товаром.

Вечером Даниил принёс квитанцию о регистрации возражения. Палата приняла документ, но отказалась автоматически остановить взыскание до рассмотрения. В письменном ответе стояла подпись заместителя Кирилла Воронцова.

— Он говорил с тобой? — спросила Ася.

— Да. Считает, что старый долг нельзя отменить лишь потому, что новая хозяйка не согласна его признавать.

Ася положила ладони на край прилавка. Ей хотелось раз-

бить счётную пластину о пол. Потребовалось усилие, чтобы вместо этого открыть тетрадь и написать номер ответа.

— Они уже делают меня человеком, который просто отказывается платить, — сказала она. — Хотя до сих пор никто не доказал, за что.

Даниил подошёл ближе.

— Мы найдём свидетелей, проверим договоры и потребуем объяснения. Но я не буду обещать, что всё решится завтра.

— И не надо.

Она обняла его, уткнувшись лицом в рубашку. После их первого поцелуя прошло несколько недель, наполненных обычными прогулками, слишком долгой работой и учёбой не обижаться из-за каждого несвоевременного молчания. Теперь Ася впервые боялась не за их отношения, а за то, что ради защиты самой дорогой вещи станет похожей на людей, против которых боролась.

— Если я сама подпишу все эти обязательства, чтобы спасти лавку, — сказала она, — то что отличит меня от Воронцова?

— То, что ты ещё можешь отказаться решать за других. Даже если решение будет дорогим.

— А если мне придётся выбирать между лавкой и чужими правами?

Он не ответил вместо неё. Держал её за руку, пока она сама не отстранилась.

* * *

Ночью в лавке погас зелёный сектор витража. Остальные семь продолжали отбрасывать на пол цветные дорожки, а на месте восьмого Ася увидела прозрачное окно на тихую улицу. Зелёная книга раскрылась на последней странице. Под ней проступила чёрная строка: «Поручитель — хозяйка. Основание — наследование возможности. Согласие — в силу отсутствия отказа».

Ася положила рядом зарегистрированное возражение. Её отказ существовал на бумаге, с номером и подписью. Старый механизм его не видел.

Она не вырвала страницу. Сфотографировала текст, записала время появления, а потом закрыла книгу в несгораемом ящике. Аглая однажды разорвала контакт, сохранив следы преступного счёта; племянница не собиралась уничтожать эти следы из ярости.

За окном пробили часы ратуши. В прозрачном секторе возникла новая сцена: светлый зал, полный горожан, которые спорили не о том, сколько стоит одно желание, а о том, кому вообще принадлежит право решать. Ася видела собственную фигуру у дверей лавки. Она стояла не во главе собрания и не за запертым прилавком. Просто слушала.

Стекло всегда показывало возможность, а не приказ. Эта была трудной. Придётся допустить других людей туда, где Ася привыкла считать всё своим — и одновременно защитить их истории от любопытства толпы.

Она выключила свет. Теперь её спор с Палатой был не только о деньгах. Это был спор о том, может ли одна хозяйка унаследовать чужое право на выбор.

Глава 2. Люди за числами

К восьми утра Тася успела составить список тех, кому можно было позвонить. В нём было девять фамилий и четыре пустые строки, обозначенные вопросительными знаками. Ася посмотрела на бумагу и поняла, что подруга опять сделала то, о чём её не просили.

— Ты нашла эти имена в моей книге?

Тася замерла с карандашом в руке.

— Я увидела записи на прилавке вчера вечером. Решила помочь, пока ты спишь.

Ася положила список на стол.

— Ты не имела права. Некоторые люди приходили сюда именно потому, что не хотели, чтобы их желания стали известны соседям.

— Я никому не рассказывала.

— Я знаю. Но ты уже прочитала то, чего они тебе не доверяли.

Между ними повисло молчание. За стеной цветочной мастерской кто-то открывал коробки с лентами; обычные шорохи вдруг стали слишком отчётливыми.

Тася опустила карандаш.

— Ты права. Я снова решила, что если хочу помочь, то могу действовать без спроса. Прости.

— Я благодарна за помощь. Но список придётся уничтожить. А с этими людьми мы будем связываться только через законную процедуру уведомления, без раскрытия частных историй.

Тася разорвала бумагу на мелкие кусочки и сложила их в мешок для переработки. Ася не почувствовала облегчения сразу. Ей было больно говорить с подругой так резко, особенно после месяцев, когда Тася поддерживала лавку без оплаты и выходных. Но она понимала: если не установить границу сейчас, борьба с Палатой начнётся с той же подмены согласия, против которой они выступали.

— Хочешь остаться на завтрак? — спросила Ася после паузы.

— Хочу. Только не стану советовать, что тебе есть.

Они обе засмеялись. Не потому, что неприятность исчезла. Потому что у них всё ещё оставалась возможность договориться, не превращая ошибку в повод для вечной вины.

* * *

Независимую юридическую консультацию проводила Елена Маркина, седая женщина с быстрыми руками и привычкой подчёркивать карандашом каждую дату. Её кабинет находился над аптекой, где постоянно пахло эвкалиптом. На стене висело свидетельство о регистрации практики, под ним — часы, которые отставали на семь минут. Елена сказала, что никогда не доверяет часам, когда в деле есть срок обжалования.

— Ваше возражение зарегистрировано, — заметила она, изучив документы. — Это хорошо. Но Палата будет утверждать, что долг возник задолго до вашего наследования. Следовательно, одной жалобы на новую сумму не хватит. Нужно проверить сами основания по отдельным договорам.

— Их тысячи.

— Не придётся читать каждую чужую тайну. Начнём с тех, кто сам согласится участвовать. Остальные попадут в обезличенную статистику до выяснения прав на доступ.

Елена предложила составить публичное обращение к бывшим посетителям. Оно не должно содержать ни одного имени, кроме самой Аси как хозяйки лавки. В обращении говорилось, что Палата предъявила требования по ранее неисполненным возможностям и что каждый человек вправе проверить, существует ли запись о нём, получить выписку, отказаться от участия в коллективном деле или доверить юристу свою историю. Действие согласия распространялось только на конкретную проверку, а не на публикацию личных сведений.

Ася перечитала текст.

— Если человек согласится на проверку, вы не будете передавать его данные журналистам?

— Без отдельного разрешения — нет. И даже при разрешении мы обязаны объяснить риск. Публичность — не единственный способ добиться правды.

Елена показала два бланка. Один — согласие на юриди-

ческий анализ. Другой — отдельное согласие на использование обезличенного описания в отчёте. Третьего, на интервью для прессы, она не предлагала вовсе.

— Я думала, мы собираем доказательства для суда, — сказала Ася. — А теперь кажется, будто создаём маленькую библиотеку чужих страхов.

— Именно поэтому библиотека должна иметь правила, — ответила Елена.

Они разместили уведомление у лавки и в городской библиотеке. Даниил попросил служебную канцелярию разослать информацию тем, у кого были законно подтверждённые адреса для уведомлений, не передавая списки Асе. Рядом с объявлением Тася поставила обычную корзину с чистыми конвертами: посетитель мог оставить ответ закрытым, не объясняя его любопытному соседу.

Первые ответы пришли к полудню.

* * *

Лиза Протасова явилась с братом и плоской коробкой из-под печенья. Их мать умерла несколько лет назад. Когда-то Лиза приходила к Аглае просить возможность снова услышать материнский голос, но лавка отказалась обещать воскрешение. Ася и Даниил помогли ей найти старую домашнюю магнитную запись и честно оформить её реставрацию.

Теперь Палата выставила счёт за годы, в течение которых Лиза якобы «пользовалась резервом звуковой возможности».

— Но мы ничего не пользовали, — сказала Лиза. — Мама не возвращалась, запись всё это время лежала на антресолях. Даже если бы вы могли сделать магический голос, я не подписывала договор на его хранение.

Елена внимательно проверила старую заявку. Под строкой «показ возможного пути» стояла подпись Лизы. Под ценой — пустое место. В приписке, появившейся позже, говорилось: «Городской резерв активирован автоматически». Шрифт записи отличался от остального текста.

— Мы не можем просто назвать это подделкой, — объяснила юрист. — Нужно установить, кто и когда внёс строку. Но можно доказать, что она не была частью подписанного вами документа.

Брат Лизы достал из коробки старую фотографию матери и выцветшую квитанцию. Он нашёл их во время переезда. В квитанции была сумма за обычную диагностику магнитной ленты в городском доме техники, выплаченная задолго до прихода Лизы в лавку.

— То есть у нас уже был путь, — сказала Лиза. — Просто мы его не видели. Лавка помогла нам найти, а Палата требует плату, будто сама всё это время охраняла голос.

Ася почувствовала тихую радость от точного, понятного свидетельства. Здесь не требовалось доказывать чудо. Нужно было показать даты и то, что человек ничего не заказывал у общего реестра.

Лиза согласилась участвовать в деле, но попросила не пуб-

ликовать аудиозапись матери. Елена вписала ограничение в документ. Ася сказала, что уважает его. Женщина улыбнулась, словно услышала впервые за долгое время, что отказ не обесценивает её помощь.

* * *

Вторым пришёл Павел Корнеев, мастер по отоплению. Несколько месяцев назад он пользовался витражом, чтобы найти возможность поговорить с отцом, с которым долго не общался. Их встреча состоялась. Примирение шло трудно, временами они снова ссорились, но теперь могли хотя бы вместе ремонтировать старую мастерскую.

— Мне прислали платёж, — сказал Павел. — За сохранение «перспективы семейного согласия». Хорошо хоть ещё не требуют процент за каждые десять минут, когда мы не ругаемся.

Ася не засмеялась сразу. Она заметила, как крепко он сжимает шапку. Слишком много людей привыкло превращать страх в шутку, чтобы не показаться смешными перед чиновником.

Елена проверила договор. Павел заплатил лавке за консультацию и сам выполнил условие: привёл в порядок старые инструменты и принёс их отцу. В платеже указана конкретная сумма за работу Аси. Никакого обещания содержать семейный мир в дальнейшем не было.

— Чего вы хотите теперь? — спросила Елена.

— Чтобы они перестали считать мои отношения государ-

ственной услугой. И чтобы отец не узнал из газеты, сколько лет я пытался с ним поговорить.

Юрист записала оба требования. Они договорились использовать дело без подробностей семейного конфликта и без фотографий. Для правового вопроса оказалось достаточно договора, чека и отсутствия отдельного согласия на городской сбор.

После Павла пришла молодая женщина по имени Настя, которая прежде хотела переехать в другой город. Палата считала незавершённой возможность сменить работу и начисляла плату за каждую неделю «удержания перспективы». Настя призналась, что отказалась от переезда сама: полюбила здешний театр и стала работать с декорациями.

— Они хотят, чтобы я платила за жизнь, которую не выбрала, — сказала она. — Или заставят уехать ради закрытия счёта?

Елена ответила, что никто не может заставить её исполнять старое намерение. Но для защиты придётся показать, где закончилось согласие на демонстрацию пути и почему последующие начисления не имели основания.

Настя принесла театральную программку и справку о работе. Даты совпадали с периодом, за который город якобы продолжал сохранять ей альтернативный переезд. Ася увидела, как абстрактная магическая сумма разбивается о простую человеческую жизнь: женщина принимала решения, радовалась, ошибалась, меняла планы — и никакой витраж

не должен был выставять ей счёт за оставшиеся возможности.

* * *

Не все посетители захотели выступать против Палаты. В середине дня пришёл мужчина в тщательно выглаженной рубашке, представившийся бухгалтером городской торговой палаты. Он заявил, что лично согласен платить за сохранение нескольких открытых вариантов своей карьеры.

— Когда я оформлял заказ, мне обещали, что если решусь открыть собственное дело, старая возможность не закроется, — сказал он. — У меня есть договор и фиксированная цена. Почему вы хотите всё отменить?

Ася предложила показать документ. Там действительно стояла отдельная подпись, срок хранения и сумма, которую он согласился платить добровольно. Это был законный платный сервис, предоставлявшийся через обычную магическую лавку.

— Ваш договор не похож на те, что мы оспариваем, — объяснила Елена. — Мы не требуем запретить оплаченные услуги. Мы требуем прекратить начисления по неподписанным обязательствам.

Мужчина долго изучал бумаги, затем осторожно спросил:

— А если после реформы моё право на хранение исчезнет?

— Тогда новая система должна будет объяснить, как исполняются уже заключённые законные договоры, — ответи-

ла Ася. — Я не хочу защищать одних клиентов за счёт других.

Она записала его мнение как отдельное возражение против бездумной отмены всех резервных услуг. Это усложняло дело, но делало его точнее. Не вся магия была принуждением. Не всякая плата несправедлива. Проблема начиналась там, где чужое решение подменяли автоматической строкой.

Мужчина ушёл, пообещав прислать копию своего договора с разрешением на анализ. Ася провожала его взглядом и думала, как легко было бы построить красивую кампанию против Палаты, просто объявив каждого плательщика пострадавшим. Тогда она стала бы ещё одним человеком, который знает за других, чего они должны хотеть.

* * *

К вечеру в лавке собрались восемь человек, согласившихся дать свидетельства, и трое, которые пришли только посмотреть объявление. Тася принесла чай, но на этот раз не расспрашивала гостей и не пыталась угадывать их истории. Она просто расставила чашки на отдельном столе и повесила маленькую табличку: «Разговор по желанию».

Даниил появился под конец приёма. Увидев очередь, хотел было остаться за порогом, чтобы никто не подумал, что инспектор собирает сведения в интересах хозяйки. Ася сама пригласила его внутрь как частного гостя, а Елена предложила потом оформить участие отдельным протоколом, если понадобятся служебные действия. Он согласился.

Они сидели за прилавком, пока последний посетитель не ушёл. На столе лежали закрытые конверты; никто не знал, сколько в них надежд, страхов или простых просьб. Ася вдруг подумала о тёте Аглае: сколько лет та одна выслушивала людей, стараясь не потерять их голоса среди сотен записей? Возможно, именно поэтому ушла за запечатанную дверь, когда поняла, что город превращает доверие в бухгалтерский инструмент.

— Ты сегодня видела много чужой боли, — тихо сказал Даниил.

— И много обычных решений. Оказалось, что люди прекрасно справляются без пророчества. Иногда хуже, иногда лучше, но сами.

Он достал из кармана шоколадную конфету и положил перед ней.

— Это не магическая плата. Просто десерт.

Ася рассмеялась.

— Тогда принимаю.

Она развернула обёртку. Шоколад немного растаял от тепла его ладони. Даниил взял её за руку, и она почувствовала, как усталость становится менее тяжёлой. Они ещё не умели делать всё вместе, не мешая друг другу, но уже научились спрашивать, прежде чем вмешиваться.

Ночью Елена Маркина прислала первое заключение. Из восьми проверенных дел шесть имели признаки автоматического начисления без согласия, одно нуждалось в дополни-

тельной экспертизе, одно оказалось законной добровольной услугой. Юрист подчеркнула: предварительная выборка не доказывает незаконность всей системы. Для этого потребуются документы о её создании и способе работы.

Ася посмотрела на зелёную пластину, опечатанную в ящике. Она хранила ответ, но могла открыть дверь в старый механизм. Слишком рискованно включать её ради доказательства, которое можно найти другими путями.

Она закрыла кабинет и вышла на улицу. В соседнем доме маленькая девочка училась кататься на велосипеде: падала, поднималась, спорила с отцом, который хотел держать седло дольше, чем она позволяла. Ася остановилась посмотреть. Когда отец наконец отпустил, девочка проехала три метра и снова упала — но засмеялась от радости.

Ася подумала, что это и было самым точным изображением желания. Не заказанный результат, не гарантия отсутствия боли. Возможность попробовать, отказаться и снова начать без чужого права вести тебя за руль.

Глава 3. Обязательные чудеса

В Палате исполнений никогда не пахло волшебством. В её приёмной пахло мокрыми пальто, бумагой из дешёвого склада и кофе, который слишком долго держали на подогреве. На подоконнике стояла засохшая герань. Ася невольно подумала, что учреждение, распоряжающееся тысячами чужих надежд, должно хотя бы научиться поливать собственные цветы.

Публичное обсуждение сбора назначили на одиннадцать. После того как жалобы лавки стали известны прессе, Кирилл Воронцов предложил открытое заседание: горожане смогут услышать, зачем существует резерв незавершённых желаний, и задать вопросы руководству. Ася не сомневалась, что председатель рассчитывает на поддержку тех, кто привык пользоваться услугами Палаты.

Так и получилось. К открытию зала перед входом собралась очередь. Одни пришли с папками жалоб, другие — с фотографиями родственников и копиями оплаченных счетов. Пожилая женщина держала картонку с аккуратно написанным требованием «НЕ ТРОГАЙТЕ НАШИ ВОЗМОЖНОСТИ». Рядом стоял молодой отец с плакатом «НЕ ДЕЛАЙТЕ МОЕГО РЕБЁНКА ДОЛЖНИКОМ».

Ася читала эти надписи с неприятным пониманием: оба могли оказаться правы.

Даниил встретил её у дверей.

— Прежде чем зайдём, посмотрите на это.

Он показал распоряжение о проведении слушаний. В нём Палата обещала приостановить принудительное взыскание по всем официально оспоренным счетам на время проверки. Это было меньше, чем Ася требовала: остальные начисления продолжали существовать. Но такого общего ограничения прежде не было.

— Воронцов согласился сам?

— Его юристы признали, что массовые списания до рас-

смотрения возражений создадут дополнительные иски. Я не спрашивал, какая из причин была для него решающей.

— А вас не отстранили за помощь мне?

Даниил улыбнулся коротко.

— Предложили уйти в отпуск. Я отказался. Пока я остаюсь инспектором, могу отвечать за свои подписи.

Ася хотела взять его за руку, но заметила журналиста с камерой. Вместо этого поправила отогнувшийся угол его бейджа и сказала:

— Значит, сегодня будем отвечать оба.

* * *

Воронцов начал не с таблиц, а с воспоминания.

— Тридцать два года назад Сольвинск пережил пожар в старом торговом квартале, — произнёс он, стоя у экрана. — Сгорели не только дома. Сгорели долговые книги, свидетельства на мастерские, семейные архивы. Люди просили восстановить утраченное. Магические лавки показывали возможные пути, но ни одна не могла обещать, что путь сохранится до тех пор, пока человек на него решится.

На экране появились фотографии разрушенной улицы Медников. Ася узнала два окна лавки Аглаи до ремонта: рамы были забиты досками, витраж заменял лист фанеры.

— Мы создали резерв, — продолжил председатель. — Он содержал мастерские, сохранявшие незаконченные возможности. Некоторые люди платили охотно. Другие откладывали решение на годы. Если бы мы требовали согласия с каж-

дого, тысячи путей исчезли бы прежде, чем город восстановился.

Мужчина в последнем ряду поднялся.

— Моей матери этот резерв помог вернуться в своё дело. Она двадцать лет откладывала решение открыть мастерскую снова. А потом пришла, и запись сохранилась. Вы предлагаете отнять её у остальных?

— Нет, — ответила Ася с места. — Мы предлагаем перестать назначать плательщика без его согласия.

Воронцов повернулся к ней:

— Сегодня каждый получит слово, госпожа Берестова. Для начала давайте дослушаем историю.

Он рассказал о городской больнице, в которой после пожара хранили пожелания пациентов снова ходить, петь, работать. Часть возможностей была неосуществима, но сами записи давали людям чувство, что их жизнь не закончилась. Резерв оплачивал хранение и работу специалистов. Несколько человек в зале закивали. Ася увидела, как один пожилой слушатель вытирает глаза.

Ей не хотелось отнимать у него этот опыт. Но на каждом показанном председателем слайде отсутствовал простой вопрос: кому выставляли счёт?

Когда очередь дошла до неё, Ася поднялась без подготовленной речи. Вместо яркой фотографии показала заверенную выписку из дела Лизы Протасовой, закрыв личные сведения.

— Здесь отмечено, что возможность не была исполнена и согласие на хранение не получено, — сказала она. — Через три месяца учреждение начислило плату. Уведомление дошло до заявителя после срока отказа. Запись автоматически перешла в долговой реестр. Человек оказался должником не потому, что получил благо, а потому, что не знал, что должен отказаться.

— Отдельные ошибки не доказывают порочность всего порядка, — заметил Воронцов.

— Согласна. Поэтому мы проверили восемь дел с добровольного разрешения их владельцев. В шести обнаружены начисления без подтверждённого согласия. В одном основания требуют дополнительной экспертизы. Один договор заключён законно, и мы не оспариваем его.

Она специально произнесла последнюю фразу медленно. Защищать права людей не означало объявлять всякую плату несправедливой.

На экран вывели сводную таблицу без имён. Ася указала на повторяющееся поле: «плательщик назначен автоматически».

— Вот наш вопрос. Не сколько стоит хранить желание, а кто вправе решать, что конкретный человек заказал это хранение. Палата может предложить услугу, может назвать цену, может получить согласие. Но отсутствие отказа не равняется подписи.

В третьем ряду поднялась хозяйка маленькой прачечной.

— А если все откажутся платить? — спросила она. — Кто будет хранить мои записи? Мой муж умер, а в лавке лежит путь, который мы собирались пройти вместе. Вы мне предлагаете самой содержать учреждение?

Ася почувствовала, как в зале напряжённо ждут лёгкого ответа.

— Я не хочу, чтобы вы потеряли запись, — сказала она. — Нужно определить стоимость хранения, разделить общественную помощь от платной услуги и предложить людям понятные варианты. Возможно, город решит поддержать часть записей из бюджета. Возможно, найдутся добровольные участники. Но ваш страх потерять память о муже не может автоматически сделать другого человека должником.

Женщина покачала головой, явно недовольная. Ася не стала добиваться её аплодисментов.

Потом к микрофону подошёл молодой человек в рабочей куртке.

— Я платил резерву пять лет. Добровольно. Каждый месяц. Потому что он поддерживал возможность открыть свой ресторан. Если вы объявите все эти договоры обманом, мне теперь требовать деньги назад?

— Если вы знали условия и соглашались с ними, оснований считать ваш договор обманом из одного факта существования сбора нет, — ответил Даниил.

Он стоял у бокового стола, где располагались приглашённые специалисты.

— Мы оспариваем механизм принудительного начисления. Сохранение добровольной услуги может продолжаться на других, прозрачных условиях.

Председатель посмотрел на него дольше, чем требовала служебная вежливость.

* * *

После перерыва слово попросила Мила Вельская. Она сидела рядом с Глебом, держала планшет и небольшой прибор для записи звука. С тех пор как ей удалось собрать композицию для городского праздника из фрагментов, которые она слышала по-разному, Мила стала чаще выходить к публике. Она не называла это победой над потерей слуха; некоторые частоты так и остались недоступны, и приходилось строить музыку иначе.

— Я хочу рассказать о цене одного желания, — сказала Мила.

Даниил заметно напрягся.

— Мила, ты не обязана...

— Знаю.

Она посмотрела на него, и он замолчал.

— Несколько лет назад кто-то захотел, чтобы в нашем доме не было ссор. Желание казалось добрым. Оно не могло изменить чужую волю напрямую, поэтому договор предложил путь: семья должна была на время отказаться от неприятных звуков. Технический инструмент работал грубо. Я тогда занималась музыкой и согласилась на настройку, не зная, как

долго она будет действовать. Последствия оказались необратимыми для части моего слуха.

В зале стало тихо. Мила продолжила без дрожи.

— Я не прошу магию вернуть мне всё. На это нет честного договора. Но хочу знать, почему людям рассказывали только про желаемый результат и называли побочное действие мелким расходом.

— Мы изменили инструкцию после случая вашей семьи,
— сказал Воронцов.

— После. А записи о рисках до этого существовали?

Председатель не ответил сразу.

Мила положила на стол копию старой технической памятки. В ней были перечислены возможные нарушения восприятия звука при долгом воздействии. Документ хранился в архиве Палаты до подписания их семейной сделки.

Даниил подошёл к сестре и остановился рядом, но не забрал у неё микрофон. Ася увидела в нём человека, который готов защищать близкого даже от его собственного рассказа и всё-таки сумел не вмешаться.

— Это важная часть проверки, — сказал он. — Информация о риске была известна. Я когда-то подписал технический акт и не настоял на полном объяснении. Виновность каждого участника должна определяться процедурой, но моё молчание тогда было ошибкой.

Кто-то спросил, почему он не уволился. Даниил ответил, что уход не исправил бы документы и не избавил его от от-

ветственности. Мила добавила, что она не просила брата всю жизнь расплачиваться за её слух. Ей нужны честные правила, а не ещё один несчастный человек.

Воронцов попросил включить памятку в официальный протокол слушаний. Это прозвучало разумно и даже благородно. Ася заметила, что председатель очень искусно меняет позицию, когда сопротивляться очевидному становится опасно.

* * *

К вечеру обсуждение разделилось на несколько площадок. Финансисты вычисляли реальные затраты на хранение, маги спорили о технической независимости витражей, юристы разбирали право на отмену платежей. Люди, которым прежде выдавали только готовые квитанции, впервые могли спрашивать, из чего эти квитанции составлены.

Тася подошла к Асе с двумя стаканами воды.

— Ты очень устала.

— Я знаю.

— Ты весь день пытаешься заставить Воронцова признать, что он плохой человек. А это не та задача, которую может решить один разговор.

Ася отпила воды.

— Я хочу, чтобы он перестал заставлять людей платить.

— Тогда добивайся изменения конкретного правила. Люди уже слышали твои документы.

Ася посмотрела на подругу. После ссоры о чужом списке

Тася перестала решать за неё, но не утратила способности говорить неприятную правду.

В проходе появился Воронцов. Он предложил Асе и Даниилу короткую встречу без камер. Они согласились только при условии, что разговор будет протоколироваться и каждый получит копию итогов.

Председатель усмехнулся.

— Вы научились защищаться от любой человеческой беседы.

— Нет, — сказала Ася. — От беседы, которая завтра может оказаться официально несуществующей.

В небольшой переговорной Воронцов показал им старую таблицу. В отличие от публичных слайдов, здесь были не достижения резерва, а его реальные расходы: ремонт архивных стёкол, жалование мастерам, содержание помещений и суммы, которые не удалось взыскать по законным договорам.

— Вот почему мы начали распределять остаток автоматически, — признал он. — Иначе фонд перестал бы действовать. Подписи собирать было дорого, а людям было стыдно признавать, что они всё ещё надеются на несбывшееся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.